2019 – № 4

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

Литературоведение

УДК 82.02, 82.09
DOI 10.17223/18137083/69/11

А. В. Филатов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва

Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа *

Рассматривается методология аксиологического подхода в литературоведении, направленного на исследование феномена ценности в художественном творчестве и сочетающего в себе достижения теории литературы и философии ценностей. На основании определений терминов «подход» и «метод» устанавливаются уровни методологии, обращенные, с одной стороны, к теоретико-философским принципам, а с другой – к различным этапам аналитико-интерпретационной работы с литературным произведением. Автор выделяет семь характеристик категории «ценность», важных для ее анализа в литературе, и подробно рассматривает три направления аксиологических исследований, вкладывающих различное содержание в понятие ценности (отдельный элемент художественного мира; целостное произведение в контексте литературного процесса; единица системы ценностей писателя, воплощенная не только в его творчестве, но и в фактах биографии и нелитературных текстах).

Ключевые слова: аксиологический подход, аксиология, ценность, оценка, философия, теория литературы, ценностный анализ.

Аксиологический подход в литературоведении представляет собой междисциплинарное направление исследований, возникшее на пересечении философии ценностей и науки о литературе [Попова, 2004, с. 92, 308]. Перспективность его развития определяется не только тем, что «наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры проходит на границах отдельных областей ее» [Бахтин, 2002, с. 452], но и тем, что данная методология учитывает ценностный характер искусства, который ввиду своей тривиальности зачастую недостаточно осмысляется теоретически. По словам Л. Ю. Фуксона, следствием этого факта в современных исследованиях является «своего рода вакуум между аксиологией и литературоведением, между философско-эстетической трактовкой понятия ценности и изучением ценностной структуры конкретного литературного произведения» [2000, с. 13]. Именно отбрасывание теоретико-философского компонента приводит

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432).

Филатов Антон Владимирович – аспирант кафедры теории литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия; avphilatov@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 4

к ложному пониманию аксиологического изучения литературы как субъективно-оценочного, не опирающегося на анализ. Между тем в философии эти два способа постижения объекта четко разграничены. Согласно Л. Н. Столовичу, «ценностный подход осуществляется в искусстве, в морали и т. п. вненаучными средствами. Аксиологический [1] же, или теоретико-ценностный, подход предполагает возможность научного познания практики ценностных отношений» [1972, с. 15]. В связи с этим обращение к научному изучению ценностного аспекта художественного творчества требует соблюдения четкой иерархии между сферами литературоведения и философии.

Объяснение этой иерархии, на наш взгляд, заложено в терминологическом разграничении подхода и метода, часто нивелируемом из-за использования данных понятий как синонимов. Если под методом понимается «способ достижения какой-либо ***цели***, решения конкретной задачи», представляющий собой «совокупность приемов или ***операций*** практического или теоретического освоения действительности», то подход – это «некоторый исходный ***принцип***, исходная позиция, основное положение или убеждение» [Новиков А. М., Новиков Д. А., 2013, с. 63, 117]. Данные определения указывают на тесную взаимосвязь обоих понятий, находящихся в отношении дополнительности: *подход включается в метод на правах общетеоретической установки*.

Именно так рассматривает структуру любого метода Ю. Б. Борев, выделяя в нем четыре последовательных мыслительных действия, направленных на постижение предмета: 1) «определение принципов, установок и направления анализа. Этот мировоззренческий этап дает ви́дение объекта общим планом»; 2) «осуществление подходов и анализов, приводящих к ви́дению предмета средним и крупным планом», что в случае литературоведения представляет собой рассмотрение внешних связей художественного произведения с историко-культурным, социальным, биографическим и литературным и иными контекстами; 3) «осуществление приемов и операционной техники, позволяющих войти внутрь исследуемого предмета» – имманентный анализ художественной структуры и связей между ее элементами; 4) синтез и обобщение результатов анализа, благодаря которым осуществляется целостный взгляд на произведение [Борев, 1981, с. 35]. Как видим, первый, теоретический уровень метода соответствует сфере подхода, тогда как все остальные являются различными ступенями методической (операционной) аналитико-интерпретационной работы.

Какие же теоретические положения включает аксиологический подход? Обращение к истории развития аксиологии как философской дисциплины [Столович, 1994; Каган, 1997], позволяет выделить наиболее общие характеристики категории «ценность», которые обосновываются в различных ценностных концепциях.

1. *Субъектно-объектная природа.* Ценность понимается как род особых отношений между личностью и идеальным или материальным объектом в широком смысле (идеей, предметом, качеством, поступком, событием и т. д.). О связи ценности с категорией значимости, также представляющей вид субъектно-объектных отношений, писал Г. Риккерт [1998, с. 23, 55]. Он же указывал, что в субъекте ценность реализуется в «акте оценки», а наделенный ценностью объект становится «благом» [Там же, с. 22–23]. Таким образом, оценка и благо (т. е. предметная ценность) представляют собой субъектный и объектный аспекты ценностных отношений.

2. *Связь между типом ценности и ее носителем*. Многообразие ценностных отношений (этических, эстетических, религиозных, витальных и т. д.) накладыва-

[1] Подобное разграничение синонимичных понятий «аксиологический» и «ценностный» представляется терминологически неудачным, хотя и оправданным в методологическом отношении.

ет ограничение на круг материальных и духовных явлений, которые могут выступать в функции их объекта. В частности, «эстетические ценности могут быть присущи всему, что только существует, этические – только человеку» [Гартман, 2004, с. 458].

3. *Иерархичность*. Миру ценностей свойственна вертикальная упорядоченность. Это отражено в различении относительных (актуальных для некоторых субъектов) и абсолютных (вечных, всеобщих) ценностей [Лосский, 1931, с. 82–83], последние из которых занимают главенствующее положение в аксиологической системе. При этом философы могут выдвигать на роль главных различные группы ценностей, например витальные [Ницше, 2005] или религиозные [Шелер, 1994].

4. *Полярность*. «Все ценности (этические, эстетические и т. д.) распадаются на *позитивные* и *негативные*» [Там же, с. 300], при этом каждой ценности соответствует своя антиценность, на фоне которой полнее раскрывается ее значимость.

5. *Факультативность*. Признание ценности является актом свободного волеизъявления субъекта: «Свобода есть единственное основание ценностей» [Сартр, 2000, с. 74]. Долженствованием ценность наделяется уже в сознании личности. В противном случае она совпала бы с законом как нормой внешнего долженствования. Соответственно, построение иерархии ценностей также зависит от воли субъекта.

6. *Телеологичность*. «Ценностное отношение телеологично по своей природе, ибо любая ценность есть ценность *для чего-то* или *для кого-то*» [Столович, 1994, с. 30], а значит, она является мотивом любой деятельности, направленной на достижение цели.

7. *Онтологичность*. Тезис о том, что «любое содержание бытия есть положительная или отрицательная ценность не в каком-либо отдельном качестве, а насквозь всем своим бытийственным содержанием» [Лосский, 1931, с. 31], является дискуссионным в аксиологии, однако существенен для сферы искусства, в которой все созданное автором несет на себе его оценку.

Заметим, что данные характеристики ценности определяют состав терминологического аппарата аксиологического подхода. Как уже было сказано, понятие «оценка» актуализирует ценность в аспекте субъекта, в функции которого могут выступать автор, читатель, персонажи и т. д. Предметной ценностью («благом») как объектом оценивания может являться любой элемент художественного мира произведения (образ, вещь, деталь и т. д.). Иерархичность имплицитно присутствует в понятии «система ценностей», тогда как с полярностью связаны термин «отрицательная ценность» и методика выстраивания ценностных оппозиций [Фуксон, 2000, с. 219–220]. Категория «цели», подразумевающая некоторый деятельностный и ментальный потенциал личности, входит в понятие «ценностная ориентация», разработанное в социологии, но актуальное и для теории литературы [Филатов, 2018; Хализев, 1999, с. 160]. Онтологичность ценности подчеркивается в понятии «эстетизация» (включение явления в сферу искусства), представляющем собой начальную ступень авторской оценки и, таким образом, утверждающем невозможность аксиологически нейтрального эстетического бытия [Свительский, 2005, с. 56].

Выдвижение на первый план того или иного принципа при ослаблении или игнорировании других может привести к значительной трансформации всей ценностной методологии. Это происходит в концепции И. А. Есаулова. В ней аксиологический подход, «вытекающий из постулата существования различных типов культур, типов ментальностей, которые оказывают глубинное воздействие на создание и функционирование того или иного произведения искусства» [Есаулов, 1994, с. 378], рассматривается наряду с историко-литературным и мифопоэтическим как один из магистральных способов познания художественного произведе-

ния. Культура, по Есаулову, выполняет функцию масштабной системы ценностей, служащей тем общим контекстом, на фоне которого необходимо изучать художественное произведение для наиболее адекватного его постижения. По сути, здесь под аксиологическим подразумевается культурологический подход, дающий исследователю уже готовую ценностную систему и не предполагающий, что «произведение объясняется с помощью самого произведения. Иначе говоря – путем установления внутренних связей» [Фуксон, 2000, с. 31]. Исследователь отмечает эффективность описанного подхода при изучении русской литературы, духовная основа которой, по его мнению, исходит «из своеобразия *православного образа мира*, *православного менталитета*» [Есаулов, 1994, с. 380]. Другими словами, Есаулов кладет в основу русской культуры религиозные ценности, что, на наш взгляд, несколько упрощает и сужает ее содержание, хотя данное направление показало свою эффективность при анализе творчества писателей, система ценностей которых имела религиозную основу, что подтверждается биографическими фактами [Воропаев, 1994; Зобнин, 2000].

Иную позицию занимает К. К. Султанов, справедливо полагая, что «смысл религиозности как одной из ценностных форм сознания не может быть распространен на объяснение всего и вся» [2001, с. 4], и необходимо учитывать специфику национального менталитета в его целостности и многообразии форм, среди которых важное место занимают наднациональные, общечеловеческие факторы. Также литературовед предлагает не противопоставлять, а сочетать аксиологический и исторический подходы, видя в этом «условие целостной, системной характеристики и произведения, и национальной литературы» [Там же, с. 36]. С этой позицией солидарен В. А. Недзвецкий, полемизирующий с Есауловым и считающий неправомерным подчинять в искусстве эстетические ценности религиозным. По его мысли, «в творении даже глубоко верующего художника-христианина <…> его религиозное начало должно <…> преломиться через начало эстетическое» [Недзвецкий, 2011, с. 536]. Такая позиция отвечает сущности искусства как явления в первую очередь эстетического, а не идеологического.

Отметим, что расхождения исследователей здесь затрагивают сферу подхода как набора исходных теоретико-методологических принципов изучения художественного текста, предваряющего непосредственный практический анализ. В то же время единство теоретических установок не препятствует разработке различных аксиологических методов [Столович, 1972, с. 16], поскольку вариативным остается ситуация ценностных отношений (позиции субъекта и объекта), а также конкретный аспект содержания или формы, на который будет направлен анализ. Различные исследования ценностной природы литературы посвящены аспектам проблематики [Кожинов, 1990, с. 155–177], тематики [Султанов, 2018], мотивики [Филатов, 2016], мифопоэтики [Филатов, 2017], вещного мира [Кихней, Меркель, 2015], персонажей [Хализев, 1999, с. 160–169] и т. д. На наш взгляд, можно выделить три уровня аксиологического изучения литературы, каждый из которых предлагает свое понимание ценности.

1. *Микроуровень* отдельного произведения. Это основная сфера применения аксиологического подхода, в которой функцию ценности выполняет любой элемент эстетической реальности, взятый в своем формально-содержательном единстве. Субъектами ценностных отношений при этом выступают различные нарративные инстанции: автор-творец, рассказчик, герой, а также читатель-адресат.

Данное направление художественной аксиологии берет начало в работах М. М. Бахтина 1920-х гг., в которых, по словам Е. В. Поповой, «категория “ценность” является стержневой и имеет методологический статус» [Попова, 2004, с. 9]. Интерес к этой области исследований объясняется многогранной личностью Бахтина, не столько литературоведа, сколько философа, считавшего необходимым исходить в искусствоведческих исследованиях из положений философской

эстетики. Ученый ссылается на работы многих аксиологов (Г. Лотце, Ф. Ницше, Г. Риккерт, М. Шелер, Н. О. Лосский и др.), по сути, создавая свою теорию ценностей (подробнее о ее своеобразии см.: [Бахтин, 2003, с. 524–525]).

Система ценностей личности («ценностного центра» – в бахтинской терминологии) обозначается в его работах близкими по смыслу понятиями «ценностный контекст», «ценностный кругозор», «ценностная установка», «ценностное окружение», «эмоционально-волевая установка», «эмоционально-волевой тон», «социальная оценка» (диффузность этих «ключевых слов» затрудняет их использование в качестве терминов). Все феномены, с которыми личность вступает во взаимодействие, неминуемо приобретают ценностную окраску, поскольку «предмет, абсолютно индифферентный, сплошь готовый не может действительно осознаваться, переживаться» [Бахтин, 2003, с. 32]. Человек как бы «ценностно уплотняет» мир вокруг себя, становясь его центром. Событие такого взаимодействия создает ситуацию, в которой «неразделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности» [Там же, с. 32].

Отталкиваясь от этого положения, Бахтин анализирует эстетическую реальность произведения как взаимодействие ценностных контекстов. Визуально контексты героев можно представить в виде кругов (так получают образную мотивировку понятия ценностного центра и кругозора), которые могут частично или полностью накладываться друг на друга (явление ценностной интерференции). Именно так Бахтин анализирует художественный мир стихотворения А. С. Пушкина «Разлука», находя в нем ценностные контексты лирического героя и героини и показывая, как одни и те же образы, входя в контексты героев, приобретают различные значения: «Один и тот же предмет (Италия), с точки зрения содержательно-смысловой, различен как событийный момент различных ценностных контекстов: для нее – родина, для него – чужбина, факт ее отбытия для нее – возвращение, для него – покидание и т. д.» [Там же, с. 64]. Разумеется, в ценностные контексты входит предметный мир произведения в широком смысле, включающий также поступки, мысли, чувства героев, пространственные и временные параметры. Напряжение, возникающее между двумя контекстами в пушкинском стихотворении (и шире – в любом художественном произведении), снимается благодаря тому, что они «объемлются единым ценностно-утверждающим эстетическим контекстом автора-художника <…> и созерцателя» [Там же, с. 60]. Таким образом, автор и читатель, занимая позицию «вненаходимости», должны ценностно завершить эстетический объект, примирив различные точки зрения героев. Это становится возможным, потому что они одновременно занимают позицию этической сопричастности героям: «Мы размыкаем границы, вживаясь в героя изнутри, и мы снова замыкаем их, завершая его эстетически извне» [Там же, с. 166]. Авторский / читательский контекст, по сути, всегда совпадает с границами художественной реальности и оказывается наиболее масштабным, включающим в себя контексты героев. Поэтому «каждая конкретная ценность художественного целого осмысливается в двух ценностных контекстах: в контексте героя – познавательно-этическом, жизненном, – и в завершающем контексте автора – познавательно-этическом и формально-эстетическом, причем эти два ценностных контекста взаимопроникают друг друга, но контекст автора стремится обнять и закрыть контекст героя» [Там же, с. 88].

Именно интерференция контекстов автора и героя является необходимым условием эстетического события, которое может совершаться при двух несовпадающих между собой субъектах сознания – «я» и «другом». По Бахтину, это инвариантные участники любой аксиологической ситуации – «основные *ценностные категории*, впервые делающие возможной какую бы то ни было *действительную* оценку» [Там же, с. 245]. Здесь субъектно-объектная модель ценностных отношений как бы удваивается, поскольку каждый участник одновременно явля-

ется и личностью со своим ценностным кругозором, и объектом для оценки другого.

Бахтинскую традицию литературоведческой аксиологии продолжает Фуксон, обосновавший эффект ценностной поляризации, «благодаря которому никаких “нейтральных” образов в мире произведения не существует: все они как бы стремятся к одному из полюсов» [Фуксон, 2000, с. 131–132]. Данный эффект порождает ценностное напряжение текста – некий конфликт, понятый в широком, не сюжетном смысле. Образы каждого полюса взаимно репрезентативны, благодаря чему они получают функцию символов, в то время как отношения между этими полярными группами формируют ценностные оппозиции. «Репрезентативность» и «полярность», понятые как со- и противопоставления элементов произведения в парадигматическом и синтагматическом аспектах соответственно, становятся универсальными параметрами ценностно-смысловой структуры.

Исследователь также уточняет различие оценок автора и героя, основываясь на их позициях в тексте. Погруженность героя в событие художественного мира позволяет назвать его оценку *этической*, в то время как опосредованное формой положение «вненаходимого» автора, ценностный горизонт которого обнимает собой весь мир произведения, определяет его оценку как *эстетическую*: «Эстетическая оценка объективна, онтологична, в отличие от субъективных этических оценок, содержащихся в тексте» [Там же, с. 183]. Каждая из оценок имеет свои специфические средства выражения: автор, внеположенный произведению, оценивает его посредством образов, тогда как оценки персонажей проявляются непосредственно, прямо – в их поступках, эмоциях, мыслях и высказываниях. В. А. Свительский замечает, что по способам выражения оценки к персонажам близок и повествователь, точку зрения которого не следует отождествлять с позицией автора-творца: если «герой осужден авторской (имеется в виду автор-повествователь. – *А. Ф.*) оценкой, это не значит, что произведение в целом будет вершить над ним категорический приговор» [Свительский, 2005, с. 20].

2. *Макроуровень* литературного процесса. Здесь в функции ценности выступает целостное художественное произведение, занимающее определенное место в литературной иерархии конкретной культуры. Ценностные отношения в данном случае возникают между реальным читателем (как массовым, так и профессиональным) и литературным произведением как субъектом и объектом художественной коммуникации. На данном уровне исследуются проблемы формирования и изменения писательских репутаций, читательской рецепции и литературного канона, связанные с областью социологии искусства.

Традиционно эти вопросы находились в ведении литературной критики, выполняющей интерпретационно-оценивающую функцию. Для научного же изучения литературной иерархии главным становится вопрос определения критериев ценности. Различным точкам зрения на этот счет А. Компаньон посвятил главу монографии, заканчивающуюся неутешительным выводом: «Литературная ценность не поддается теоретическому обоснованию – это предел теории, но не литературы» [Компаньон, 2001, с. 296]. Тем не менее в литературоведении, вслед за философской аксиологией, можно выделить две крайних позиции – субъективистскую и объективистскую, каждая из которых имеет своих сторонников. Так, Р. Ингарден полагал, что «с момента, когда предмет возник, эстетическая ценность в нем присутствует независимо от различного отношения этого предмета к зрителю. Ее присутствие в данном эстетическом предмете не зависит от субъективной оценки ценности этого предмета» [1962, с. 394]. Х. Р. Яусс, напротив, считал, что «критерий для определения эстетической ценности литературного произведения заключается в том, каким образом, какими средствами оно в конкретный исторический момент своего появления оправдывает, превосходит, обманывает или опровергает ожидания своей первой публики» [1995, с. 62].

Историческую изменчивость эстетических ценностей отмечал Я. Мукаржовский, поскольку в развитии литературы «очень часто можно наблюдать, как некое произведение превращается со временем из положительной ценности в отрицательную, из высокой, исключительной ценности в посредственную или наоборот» [1975, с. 275]. Исследователь приходит к выводу, что объективные эстетические ценности могут существовать только в материальном артефакте ввиду его стабильности, тогда как «эстетический объект изменчив, поскольку он определяется не только организацией и свойствами материального артефакта, но одновременно и соответствующей стадией развития нематериальной художественной структуры» [Там же, с. 290]. Ценность самого произведения при этом определяется всей его художественной конструкцией, а не только содержательными или формальными характеристиками. Отметим, что динамичность эстетической оценки не отменяет возможность ее научного изучения. Напротив, она показывает, что на уровне литературного процесса исследование ценностей должно учитывать такие аксиологические факторы, как вкусы и идеалы эпохи, репутации литературных школ и направлений, национальные и ментальные характеристики и т. д.).

3. *Мезоуровень* системы ценностей писателя. Обращение к аксиосфере реального автора связывает теорию литературы с проблемой творческой биографии. Получить представление о ценностных принципах писателя можно на основе анализа корпуса его текстов, в особенности их идейного содержания, а также обратившись к его публицистике, критике, мемуарам, эпистолярному наследию и фактам биографии. При этом необходимо учитывать эволюцию мировоззрения писателя, а также то, что строгая корреляция между системой ценностей реального человека и аксиологией его художественного творчества не является обязательной. Известно, например, что «резкое отличие житейского Фета, каким его знали, видели и слышали окружающие, от его лирических стихов давило многих, даже очень близких ему людей» [Благой, 1983, с. 17]. Лефовская концепция «социального заказа» описывала подобную ситуацию несовпадения как нормальную, отрицая историческую и культурную значимость идеалов и ценностей писателя и превращая его в отстраненного исполнителя, удовлетворяющего потребность «заказчика».

Однако представляется, что в большинстве случаев ценностная ориентация художественного текста все же оказывается мотивирована писательской аксиосферой. Так, Свительский вполне обоснованно обращается к дневниковым и публицистическим текстам Л. Н. Толстого и Ф. Д. Достоевского для подтверждения ценностной направленности их литературных произведений [Свительский, 2005, с. 92, 120]. Анализируя жизненную аксиоматику А. П. Чехова, А. Б. Есин обнаруживает ее сжатую формулировку в письме писателя к брату, а затем находит ее отражение и в чеховских произведениях. Основываясь на этих данных, исследователь делает вывод: «Стабильность простых, укорененных в повседневности жизненных ориентиров – главный культурологический смысл чеховской системы ценностей» [2] [Есин, 1994, с. 6].

В. Е. Хализев, помимо обращения к дневникам и письмам, апеллирует к личным качествам писателя как источнику художественных ценностей: «<…> мы имеем дело с глубочайшим – для самого Пушкина и потому так часто проявляющимся в его героях – *чувством верности*, т. е. сильным, захватывающим ощущением кровной связи с отдельным ли человеком, с людьми ли, или лишь с кратковременной ситуацией» [Хализев, 2005, с. 137]. Схожим образом поступает Л. А. Колобаева, в работе которой тезис, что «острейшее чувство смерти у Бунина – факт биографический и творческий», в равной степени доказывается его лич-

---

[2] Свою методику анализа Есин также применил для анализа системы ценностей А. Т. Твардовского (см.: [Есин, 1995]).

ными записями, воспоминаниями жены и способностью ценить жизнь, названной «главным ценностным критерием» творчества писателя [Колобаева, 2013, с. 181]. Литературовед не отождествляет биографического автора с творческим субъектом, но настаивает на общности их мировоззрения, ценностей и идей.

Рассмотренные области применения аксиологического подхода взаимосвязаны. Они не являются изолированными, а, скорее, призваны дополнить друг друга в рамках целостного анализа художественного произведения. При этом на каждом уровне происходит процесс интерференции систем ценностей различных субъектов: 1) автора-творца, читателя-адресата и персонажей; 2) биографического автора и реального читателя (текст на этом уровне художественной коммуникации выступает в роли посредника, поскольку читатель оценивает в итоге мастерство и значение писателя для своего времени), 3) автора-творца и биографического автора. Таким образом, исходная теоретическая схема, предложенная Бахтиным, оказывается актуальна для всех направлений ценностного анализа. Пересечение аксиологической методологии с такими традиционными для теории литературы проблемами, как соотношение формы и содержания, науки и критики, творчества и биографии, доказывает, что она «естественно вписывается в утвердившуюся методологию литературоведения, обновляя ее, вытесняя устаревшие позиции, заполняя осознаваемые сегодня пробелы» [Попова, 2004, с. 308].

Список литературы

Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари, Языки славянской культуры, 2003. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. 955 с.; 2002. Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. 799 с.

Благой Д. Д. Афанасий Фет – поэт и человек // Фет А. А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. С. 3–26.

Борев Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника». М.: Сов. писатель, 1981. 399 с.

Воропаев В. А. Духом схимник сокрушенный…: жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете Православия. М.: Моск. рабочий, 1994. 159 с.

Гартман Н. Эстетика. Киев: Ника-Центр, 2004. 640 с.

Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 1. С. 378–383.

Есин А. Б. О ценностной системе А. Т. Твардовского («Василий Теркин») // Русская словесность. 1995. № 5. С. 34–38.

Есин А. Б. О чеховской системе ценностей // Русская словесность. 1994. № 6. С. 3–8.

Зобнин Ю. В. Николай Гумилев – поэт Православия. СПб.: СПбГУП, 2000. 384 с.

Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 572 с.

Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

Кихней Л. Г., *Меркель Е. В.* Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1. С. 129–138.

Кожинов В. В. Статьи о современной литературе. М.: Сов. Россия, 1990. 542 с.

Колобаева Л. А. Философия и литература: параллели, переклички и отзвуки (Русская литература XX века). М.: Русский импульс, 2013. 224 с.

Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Paris: YMCA PRESS, 1931. 136 с.

Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Вып. 7. С. 243–295.

Недзвецкий В. А. Статьи о русской литературе XIX–XX веков. Научная публицистика. Воспоминания. Нальчик: Тетраграф, 2011. 628 с.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.

Новиков А. М., *Новиков Д. А.* Методология: словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. 208 с.

Попова Е. В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества: Дис. … д-ра филол. наук. М., 2004. 326 с.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

Свительский В. А. Личность в мире ценностей (аксиология русской психологической прозы 1860–1870-х годов). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. 232 с.

Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерки истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.

Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М.: Политиздат, 1972. 272 с.

Султанов К. К. Национальная самобытность и художественная ценность: к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 2. С. 230–251.

Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 200 с.

Филатов А. В. Аксиологический подход в трудах В. Е. Хализева: ценностные ориентации в литературе и науке о ней // Новый филологический вестник. 2018. № 2. С. 16–26.

Филатов А. В. Аксиологический подход к изучению книги стихов: онтологические ценности в «Чужом небе» Н. С. Гумилева // Новый филологический вестник. 2016. № 1. С. 119–128.

Филатов А. В. Аксиологический подход к изучению мифопоэтики: адамический миф в лирике Н. С. Гумилева // Новый филологический вестник. 2017. № 4. С. 141–149.

Фуксон Л. Ю. Проблемы интерпретации и ценностная природа литературного произведения: Дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2000. 282 с.

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 1999. 398 с.

Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.

Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

A. V. Filatov

Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation, avphilatov@yandex.ru

Axiology in literary criticism: main directions of value analysis

The paper is devoted to the methodology of axiological approach in literary criticism. This approach, known to many humanities (sociology, psychology, cultural studies, etc.), is aimed at studying the phenomenon of value in art and combines the achievements of the theory of literature and axiology – philosophy of values. Based on the definitions of the terms “approach” and “method”, the author describes two fundamentally different levels of any methodology. The first

one represents theoretical and philosophical principles, and the second one − the various stages of analytical and interpretative work with the text. In other words, the approach is included in the method as a theoretical setting. Therefore, several methods can be developed based, for example, on the axiological approach since the situation of value relations (the position of a subject and an object), as well as the specific aspect of artistic content or form to be analyzed, remains variable.

Referring to the history of axiology as a philosophical discipline, the author identifies seven characteristics of the "value" category that are important for this category to be analyzed in the literature. These characteristics include the subject-object nature of value; the relationship between the type of value and its medium; hierarchy; optional character; teleologicity and ontologicity. Then, three levels of axiological research, contributing diverse meaning to the concept of value, are examined in detail. At the level of a literary work, value is understood as a separate element of the artistic world. The subjects of value relations are various narrative instances: implied author, narrator, character and implied reader. At the level of a literary process, the value is a complete literary work, occupying a specific place in the literary hierarchy of a particular culture. The subject of value relations, in this case, is a real reader, including a literary critic and literary scholar. At the level of the writer's biography, value is a component of his value system, an ideal that is reflected not only in his artistic work but also in non-literary texts (memoirs, journalism, letters) and biographical facts.

Keywords: axiology, value, evaluation, philosophy, literary criticism, value analysis.

DOI 10.17223/18137083/69/11

References

Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: V 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, vol. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov [Philosophical aesthetics of the 1920s], 955 p.; 2002, vol. 6: "Problemy poetiki Dostoyevskogo", 1963. Raboty 1960-kh – 1970-kh gg. ["Problems of Dostoevsky's poetics", 1963. Works of the 1960s – 1970s], 799 p.

Blagoy D. D. Afanasiy Fet – poet i chelovek [Afanasy Fet – a poet and a man]. In: Fet A. A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Pravda, 1983, pp. 3–26.

Borev Yu. B. *Iskusstvo interpretatsii i otsenki. Opyt prochteniya "Mednogo vsadnika"* [The art of interpretation and evaluation. The experience of reading "The Bronze Horseman"]. Moscow, Sov. pisatel', 1981, 399 p.

Compagnon A. *Demon teorii. Literatura i zdravyy smysl* [The demon of theory. Literature and common sense]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 2001, 336 p.

Esaulov I. A. Literaturovedcheskaya aksiologiya: opyt obosnovaniya ponyatiya [Literary axiology: an attempt at substantiating the phenomenon]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature 18–20 vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre]. V. N. Zakharov (Ed.). Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994, iss. 1, pp. 378–383.

Esin A. B. O chekhovskoy sisteme tsennostey [On the value system of A. P. Chechov]. *Russkaya slovesnost'*. 1994, no. 6, pp. 3–8.

Esin A. B. O tsennostnoy sisteme A. T. Tvardovskogo ("Vasiliy Terkin") [On the value system of A. T. Tvardovsky ("Vasily Terkin")]. *Russkaya slovesnost'*. 1995, no. 5, pp. 34–38.

Filatov A. V. Aksiologicheskiy podkhod k izucheniyu knigi stikhov: ontologicheskiye tsennosti v "Chuzhom nebe" N. S. Gumileva [Axiological approach to the study of poetry book: ontological values in book "The Alien Sky" by Nikolay Gumilev]. *The New Philological Bulletin.* 2016, no. 3, pp. 119–128.

Filatov A. V. Aksiologicheskiy podkhod k izucheniyu mifopoetiki: adamicheskiy mif v lirike N. S. Gumileva [The axiological approach to the study of mythopoetics: the Adamic Myth in Nikolay Gumilev's lyrics]. *The New Philological Bulletin.* 2017, no. 4, pp. 141–149.

Filatov A. V. Aksiologicheskiy podkhod v trudakh V.E. Khalizeva: tsennostnyye oriyentatsii v literature i nauke o ney [The axiological approach in V. E. Khalizev's works: value orientations in literature and literary criticism]. *The New Philological Bulletin.* 2018, no. 3, pp. 16–26.

Fukson L. Yu. *Problemy interpretatsii i tsennostnaya priroda literaturnogo proizvedeniya* [Problems of interpretation and axiological nature of a literary work]. Dr. philol. sci. diss. Kemerovo, 2000, 282 p.

Hartmann N. *Estetika* [Aesthetics]. Kiev, Nika-Tsentr, 2004, 640 p.

Ingarden R. *Issledovaniya po estetike* [Studies on aesthetics]. Moscow, Inostr. lit. Publ, 1962. 572 p.
Jauss H. R. Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya [Literary history as provocation of literary theory]. *New Literary Observer*. 1995, no. 12, pp. 34–84.
Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tsennostey* [Philosophical theory of values]. St. Petersburg, Petropolis, 1997, 205 p.
Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [The theory of literature]. Moscow, Vyssh. shk., 1999, 398 p.
Khalizev V. E. *Tsennostnye orientatsii russkoy klassiki* [The value system of Russian classics]. Moscow, Gnozis, 2005, 432 p.
Kikhney L. G., Merkel' E. V. Aksiologiya povsednevnykh veshchey v poetike akmeizma [The axiology of everyday things in the poetics of akmeism]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015, no. 1, pp. 129–138.
Kolobayeva L. A. *Filosofiya i literatura: paralleli, pereklichki i otzvuki (Russkaya literatura 20 veka)* [Philosophy and literature: parallels, echoes and reminiscences (Russian literature of the 20th century)]. Moscow, Russkiy impul's, 2013, 224 s.
Kozhinov V. V. *Stat'i o sovremennoy literature* [Articles about modern literature]. Moscow, Sov. Rossiya, 1990, 542 p.
Losskiy N. O. *Tsennost' i bytiye. Bog i Tsarstvo Bozhiye kak osnova tsennostey* [Value and existence. God and the Kingdom of God as the basis of values]. Paris, YMCA PRESS, 1931, 136 p.
Mukařovský J. Esteticheskaya funktsiya, norma i tsennost' kak sotsial'nyye fakty [Aesthetic function, norm and value as social facts]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Sign systems studies]. Tartu, 1975, iss. 7, pp. 243–295.
Nedzvetskiy V. A. *Stat'i o russkoy literature 19 – 20 vekov. Nauchnaya publitsistika. Vospominaniya* [Articles about Russian literature of 19th – 20th centuries. Scientific journalism. Memoirs]. Nal'chik, Tetragraf, 2011, 628 p.
Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey* [The will to power. The experience of revaluation of all values]. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya, 2005, 880 p.
Novikov A. M., Novikov D. A. *Metodologiya: slovar' sistemy osnovnykh ponyatiy* [Methodology: the dictionary of the system of basic concepts]. Moscow, Librokom, 2013, 208 p.
Popova E. V. *Tsennostnyy podkhod v issledovanii literaturnogo tvorchestva* [Axiological approach to the study of literature]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2004, 326 p
Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science of nature and science of spirit]. Moscow, Respublika, 1998, 413 p.
Sartre J.-P. *Bytiye i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology]. Moscow, Respublika, 2000, 639 p.
Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Gnozis, 1994, 490 p.
Stolovich L. N. *Krasota. Dobro. Istina: Ocherki istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Good. Truth: Essays on the history of aesthetic axiology]. Moscow, Respublika, 1994, 464 p.
Stolovich L. N. *Priroda esteticheskoy tsennosti* [Nature of aesthetic value]. Moscow, Politizdat, 1972, 272 p.
Sultanov K. K. Natsional'naya samobytnost' i khudozhestvennaya tsennost': k voprosu o vzaimodopolnyayemosti etnokul'turnogo diskursa i aksiologicheskogo podkhoda [National identity and artistic value: to the question of complementarity of ethno-cultural discourse and axiological approach]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 2, pp. 230–251.
Sultanov K. K. *Natsional'noye samosoznaniye i tsennostnyye oriyentatsii literatury* [National consciousness and value orientations of literature]. Moscow, IWL RAS, 2001, 200 p.
Svitel'skiy V. A. *Lichnost' v mire tsennostey (aksiologiya russkoy psikhologicheskoy prozy 1860–1870-kh godov)* [Personality in the world of values (axiology of Russian psychological prose 1860–1870s)]. Voronezh, VSU Publ., 2005, 232 p.
Voropayev V. A. *Dukhom skhimnik sokrushennyy…: zhizn' i tvorchestvo N. V. Gogolya v svete Pravoslaviya* [The Monk saddened by Spirit: N. V. Gogol's life and work in the light of Orthodoxy]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1994, 159 p.
Zobnin Yu. V. *Nikolay Gumilev – poet Pravoslaviya* [Nikolay Gumilev – the poet of Orthodoxy]. St. Petersburg, SPbUHSS, 2000, 384 p.